

Юнона Белова

NORTHPEAK
SPORTS ACADEMY

DISCIPLINE
BUILDS
FREEDOM

MORE
THAN
A GAME

N
CAPTAIN

17

ФИКТИВНАЯ
ДЕВУШКА
ЛЕДЯНОГО КАПИТАНА

Юнона Белова

**Фиктивная девушка
ледяного капитана**

«Автор»

2026

Белова Ю.

Фиктивная девушка ледяного капитана / Ю. Белова — «Автор»,
2026

Я приехала в элитную спортивную академию ради стипендии. Без этих денег мой больной отец останется без лечения. Но в первый же день Артём Ковалёв, богатый красавец и капитан команды по сноуборду, заставил меня подписать унижительный контракт. Теперь я его фиктивная девушка. Должна улыбаться перед камерами, терпеть издевательства и изображать любовь. Откажусь — потеряю всё. Я ненавижу Артёма. Но иногда его прикосновения заставляют сердце предательски замирать. А потом происходит страшное: на соревнованиях ломается моё крепление, и я едва не остаюсь инвалидом. Это случайность или чья-то игра? И почему единственный мужчина, которому я начинаю доверять, знает гораздо больше, чем говорит?

© Белова Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Юнона Белова

Фиктивная девушка ледяного капитана

Глава 1

В раздевалке я первым делом полезла искать свой номер. Сорок второй, у окна. Пока дошла, чужие духи успели забить нос; уткнулась в воротник формы, где ещё пахло домашним кондиционером. На колене торчала нитка. Вчера до двух ночи перешивала этот шов, а обрезать хвостик забыла.

На двери значилось «42», зато внутри теснились чужие свитера. Розовый, кремовый, снова розовый. До моей куртки дело не дошло бы, даже если хорошенько утрамбовать стопки. Кира Ветрова, дочь ректора, сидела рядом со своим телефоном и явно никуда не собиралась. Я придержала дверцу, чтобы она не хлопнула.

— Извини, можно сюда? — мой голос дрогнул, выдавая страх.

Кира пролистнула ещё несколько фотографий. Я видела, как она приблизила одну двумя пальцами, потом вернула обратно. Место рядом с ней было свободно. Можно было положить туда свитера, и весь разговор занял бы секунд десять.

— Занято, — бросила она сквозь зубы, даже не взглянув на меня.

Я отпустила дверцу. Очень хотелось хлопнуть — чтобы хотя бы голову подняла. Вместо этого пришлось искать, куда деть куртку: до тренировки оставалось мало времени, а стипендиатке опаздывать нельзя. В коридоре нашёлся гвоздь. Подцепила петельку и проверила, не соскользнёт ли. Мой номер так и остался над её свитерами.

На ходу пересчитала, сколько осталось до стипендии. Потом вспомнила папин счёт и сбилась. Я приехала сюда не с Кирой ругаться, а учиться и зарабатывать на лекарства. Для начала требовалось пережить первый день. По стенке, если понадобится. В форму всё-таки переоделась, уже хорошо.

За поворотом врезалась в чьё-то плечо. Не успела даже поднять руки: я смотрела на расписание у двери, пытаюсь понять, где сбор команды.

В ключицу отдало так, что я охнула. Отшатнулась, пятка съехала по полу, но упасть не дали: мужчина перехватил предплечье. Он держал крепко, даже слишком. Я пошевелила рукой, показывая, что уже стою нормально. Пальцы не разжались.

Это был Ковалев. Его фотографии висели у входа, а прозвище «Мороз» я слышала ещё на заселении. Вблизи он оказался красивее, чем на баннере: темнее брови, светлее глаза, маленькая царапина у виска. Захотелось посмотреть ещё. Потом заметила, как он оглядел мою форму, и пожалела, что подняла голову.

— Ты толкнула меня, — сказал он тихо. Не вопрос. Утверждение.

Я вслушалась, решая, сердится он или шутит. Кира вышла из раздевалки с кофе. Вот теперь она заметила меня сразу, даже телефон опустила. Артем посмотрел на неё, и она замолчала на полуслове. Он чуть улыбнулся. Мне эта улыбка почему-то совсем не понравилась.

Кира отдала ему стакан без спора. Артем шагнул ближе ко мне, посмотрел на собственный пуховик, затем снова на Киру. Я успела подумать, что сейчас он заставит меня извиниться. Даже открыла рот. От него пахло деревом, чем-то горьким; я стояла почти носом у его воротника.

— Осторожнее, новенькая, — протянул он.

Он наклонил стакан. Я отчётливо видела: сам повернул кисть, никто больше его не трогал. Кофе плеснул на белый шарф Киры, её куртку, его пуховик и мои кроссовки. Брызги на коже обожгли щиколотку. Кира дёрнулась назад, а я осталась смотреть на руку со стаканом.

— ААА! Что ты делаешь?! — завизжала Кира, отпрыгивая назад.

Артем проверил пятна на пуховике. Потом посмотрел на меня, будто ждал, что я подтвержу всё, что он сейчас скажет. Я всё ещё чувствовала его пальцы на предплечье. Не успела вырваться, когда он заговорил.

— Прости, Кира, — произнес он достаточно громко, чтобы услышали все в холле. — Эта девушка толкнула меня. Я не удержал равновесие.

Кто-то у ресепшена оборвал фразу. Стало слышно часы. Из кабинета вышел ректор, поправляя очки; Денисов, тренер, уже стоял рядом. Я увидела, кому они оба смотрят в лицо. Кире. До меня очередь дошла только после её крика.

Кира поднесла к лицу платок, а свободной рукой указала на меня. Я смотрела на палец, всё ещё надеялась, что переведёт его на стакан в руках Артема. Ректор дождался, пока она всхлипнет, и только после повернулся ко мне. — Это правда? Ты толкнула капитана? — Ректор придержал очки за дужку, дожидаясь ответа.

Нужно было сказать про его кисть. Видела же своими глазами. Я попробовала начать с «он», но Кира подняла голову — и я замолчала. Она тоже всё видела, только подтверждать не собиралась. Скажи правду, — шептал внутренний голос. — Они видели. Кира видела, как он взял стакан.

Ректор достал телефон. Денисов нахмурился, будто уже решил, сколько времени мы отняли у тренировки. Я приготовилась рассказать про стакан — и вспомнила папу на больничной койке. Он просил не волноваться, а сам всё спрашивал, когда первая выплата. Счёт за лекарства дома прижат магнитом к холодильнику; сумму я помнила до копейки.

Артем наклонился к моему уху. Я попыталась отвернуть голову, но так было ещё хуже: губы едва не задели щёку. Видела шов на его воротнике, отдельные волоски у виска. Он мог сказать мне что угодно; остальные увидели бы только заботливого капитана, который поддерживает новенькую.

— Скажешь правду — вылетишь без стипендии и с волчьим билетом, — прошептал он, заслонив меня плечом от ректора. — Никто больше не возьмет тебя в спорт. Ни один университет. Ни одна работа. Твой отец умрет, потому что ты не сможешь платить за лечение.

Я вздрогнула.

— Скажешь мою версию... — он дождался, пока я посмотрю на него, — ...будешь моей фиктивной девушкой до конца сезона. И я гарантирую тебе спокойствие.

На секунду я представила, как отталкиваю его и рассказываю всё. Даже слова сложились: «Он сам». Два слова, ничего сложного. Но ректор уже ждал ответа, а у меня перед глазами стоял не он, а папин холодильник со счётом. Я проглотила воздух вместе с этими двумя словами.

Я выпрямила спину. Посмотрела ректору прямо в глаза. — Простите, — мой голос звучал чуждо, механически. — Я не удержала равновесие. Это моя вина. Я случайно толкнула Артема.

Кто-то у стойки снова заговорил. Денисов посмотрел на часы: теперь можно было вернуться к тренировке. Кира промокнула глаза платком и тут же взглянула на меня поверх него. Она уже не плакала. Артем отпустил моё предплечье и усмехнулся — так коротко, что никто, кроме меня, наверное, не заметил.

Наверху Артем открыл комнату рядом с кабинетами тренеров. Я задержалась на пороге: там стояли настоящий письменный стол и кожаное кресло. За это утро он успел испачкать дорогую куртку и даже не переоделся. Вошла только потому, что он держал дверь. Замок щёлкнул за спиной.

— Садись, — приказал он, не предлагая стула.

Я осталась стоять. Колени дрожали. — Почему именно я? — спросила я, стараясь, чтобы голос не сорвался. — Зачем вам эта ложь?

Артем обошел стол. Он потёр переносицу, будто разговор со мной уже успел его утомить. — Потому что ты дешевая и послушная. — Он сел в кресло, оставив меня стоять напротив. — Идеальная декорация. У тебя нет связей, нет денег, нет защиты. Ты никто. И именно поэтому ты идеально подходишь для роли, которую я напишу.

Артем выдвинул ящик, нашёл ручку. Лист положил к самому краю, где я стояла. Я прочитала верхнюю строчку, потянувшись повернуть бумагу удобнее. Он оставил палец на углу: сначала слушай, потом читай. — Правила просты. На публике ты улыбаешься мне. Отказываешь всем парням, кроме меня. Никогда не задаешь вопросов о моем прошлом или травмах. Ты — моя тень. Тихая, покорная, удобная. Подпиши. Или я скажу ректору, что ты специально спровоцировала конфликт, чтобы дискредитировать команду перед спонсорами. Тогда твою стипендию аннулируют мгновенно.

В ручке плохо шёл шарик. Попробовала расписать у края, продавила бумагу; в подписи первые буквы всё равно оказались бледнее остальных. «Вика Соколова» — моё обычное имя, а здесь уже согласие на его правила. Под последней буквой расплылось пятно.

— Выпей воды, — он придвинул стакан.

Стакан стоял прямо передо мной. Очень хотелось подвинуть его обратно: пусть хоть что-то от него не возьму. Во рту пересохло, и он это видел. Я выпила маленький глоток, поставила стакан на то же мокрое пятно. Пальцы были ещё в чернилах. — Теперь иди. И помни: завтра на тренировке ты должна выглядеть максимально жалко. Чтобы оправдать мою «заботу» перед командой.

Глава 2

До общежития я дошла, всё время растирая чернильное пятно на пальце. От этого оно только расплылось. Хотелось запереться в комнате и спрятать подписанные правила подальше, хотя копии у меня даже не было. Из всей этой сделки мне досталась вода и указание завтра выглядеть жалко.

Дима сидел на подоконнике возле женского крыла, вертел гаечный ключ. При заселении помог мне дотащить доску; потом я несколько раз заходила посмотреть, как он ремонтирует крепления. Он всегда сначала смотрел на неисправность, только потом спрашивал, сколько я могу заплатить.

— Вика? — он поднял голову, заметив мои красные глаза и забрызганные кофе кроссовки. — Что случилось?

Дима спросил так обыкновенно, что я едва не выложила всё сразу. Про кофе, угрозы, подпись. Ему можно было сказать и больше: как стыдно было стоять перед ними и кивать. Но стоило попытаться, в горле опять встал тот самый ком. Я прикусила щёку. — Ничего, — сказала я и попыталась пройти мимо.

Дима слез с подоконника, остановился передо мной. Ключ остался у него в ладони. Можно было обойти, он не прижимал к стене, как Артем. Но я всё равно остановилась — и за это пришлось услышать про запись. — Я видел запись с камер в холле, — тихо сказал он. Его голос был спокойным, но в нем слышалась тревога. — Артем сделал это нарочно. Ты не обязана была брать вину на себя. Он тебя сломает, Вика. Этот человек опасен.

Он видел запись. Значит, видел и меня: сначала смотрю на стакан, потом сама признаюсь. Захотелось попросить его удалить видео, лишь бы не помнить моё лицо. Я знала, что Дима не станет смеяться. Именно от этого было ещё хуже — как будто теперь придётся объяснять, почему я оказалась такой трусливой. — Мне нужна эта стипендия, Дима! Оставь меня в покое! Я оттолкнула его руку и пошла к своей двери.

В комнате хлопнула дверь слишком сильно: учебники посыпались с полки. Соседка заворочалась. Я прошептала «прости», подняла одну книгу, а остальные оставила на полу. До кровати дойти смогла, сесть спокойно — уже нет. Уткнулась в подушку и держала её зубами, чтобы не было слышно, как плачу.

Потом снился склон. До края оставался один шаг, а я никак не могла отойти. Просыпалась, проверяла, где лежит телефон, засыпала опять. Во сне снег становился тёмным от кофе, и я заранее знала, кто объявит меня виноватой.

Стук в дверь заставил меня резко сесть. Сердце пропустило удар. Кто это? Ректор? Артем?

Я открыла дверь. На пороге стоял Артем. В руках он держал мой блокнот с математическими задачами, который я забыла в его кабинете. — Забыла, — лаконично сказал он, протягивая тетрадь.

Я молча взяла её. Пальцы коснулись его кожи. Он не одернул руку. — Подвинься, — сказал он, входя внутрь без спроса.

Артем сел на мою кровать. Соседка спала в двух шагах, поэтому я не могла даже попросить его говорить громче. Его ботинок упёрся в учебник на полу. Я нагнулась было поднять, но он начал говорить, и так и осталась стоять перед ним с руками вдоль тела. — Завтра на тренировке ты упадешь. Специально. Прямо на льду. Чтобы я мог «подхватить» тебя, показать команде, какой я заботливый парень. Это закрепляет нашу легенду.

Я жала блокнот так, что страницы помялись. — Я боюсь высоты, — прошептала я. — Если я упаду неправильно, я могу получить травму. Настоящую.

Он смотрел, пока я не опустила блокнот. Я боялась высоты и сказала это вслух — теперь знала, что зря. Артем придвинулся к краю кровати. Под его ботинком чуть хрустнула обложка учебника, и я почему-то заметила именно этот звук. — Если не сделаешь идеально, я скажу ректору, что ты пыталась шантажировать Киру видео с того дня. Доказательства легко подделывать. Ты вылетишь. А твой отец останется один.

Я слышала, как соседка дышит во сне. Один долгий выдох, другой. Надо было разбудить её, позвать кого-нибудь. Вместо этого я стояла и пыталась задать вопрос так, чтобы он всё-таки ответил, а не рассердился. — Почему ты делаешь это? Ты же можешь просто сказать правду.

— Правда скучна, Вика, — он улыбнулся. Я посмотрела на него, всё ещё надеясь услышать другую причину. — А я люблю держать мир под контролем. И ты — часть этого механизма.

Он встал, направился к двери. Открыл её, но не вышел сразу. Обернулся через плечо. — Спи спокойно. Завтра будет жарко.

Когда он ушёл, я так и держала блокнот перед собой. Слушала шаги в коридоре, пока не стало ясно: обратно не идёт. Только тогда заперла дверь. Вымыла руки у раковины — чернила остались по краям ногтя, хоть я тёрла до боли.

Я раскрыла блокнот. На внутренней стороне обложки было моё имя; по страницам — вчерашние задачи. Полистала до той, которую не дорешала. Завтра мне придётся падать для его фотографий, и я не знала, как подготовиться к такому заданию. Писать «дано» в тетради было бессмысленно. Завтра мне придется прыгать со трамплина, зная, что если я не упаду идеально, он сделает так, чтобы я упала по-настоящему. И никто не поможет. Кроме того, кто только что стал моим палачом.

В кабинете ректора мне опять пришлось объяснять, что случилось с кофе. Вчерашнего признания оказалось мало. Иван Сергеевич барабанил пальцами по столу, а я следила за его рукой: сейчас поднимет и разрешит ответить. Рука всё стучала. Под курткой было жарко, но снимать её я не решалась.

— Объясни мне, Виктория, — голос ректора был тихим, но каждый слог резал воздух. — Вчера ты сказала, что толкнула Ковалева. Теперь Кира утверждает, что ты ещё и схватила её за руку. Так чья куртка оказалась испорчена по твоей вине? Либо ты врешь, либо ты саботажница. Выбор за тобой: или ты признаешь «случайность» и платишь штраф в размере всей стипендии до конца семестра, или мы рассматриваем вопрос о твоём отчислении за порчу имущества спонсора.

На штраф уйдёт всё, что я собиралась послать папе. Попробовала назвать сумму про себя и опять забыла, сколько стоят новые лекарства. Вчера я сказала, что толкнула Артема. Сегодня мне предлагали добавить к этому Киру. В горле пересохло; если сейчас заговорю, они ещё решат, что я плачу.

Артем отлепился от стены. До этого стоял там так удобно, будто пришёл посмотреть, а не устроил всё сам. Он подошёл ко мне, не дожидаясь разрешения ректора. Я всё ещё надеялась, что он повторит своё обещание про спокойствие. Ну хоть сейчас, при них.

— Скажешь правду — вылетишь без стипендии, — прошипел он мне под нос, так тихо, что слышала только я. Его губы почти не двигались. — Скажешь мою версию — будешь моей фиктивной девушкой до конца сезона.

Вчерашних условий ему уже не хватало. Или он просто напоминал, чтобы я не вздумала забыть, перед кем должна улыбаться. Я посмотрела на дверь. До неё было два шага; за дверью весь коридор, а дальше ворота. Всё это совсем не помогало выбрать ответ.

Ректор прищурился, заметив наше странное молчание. — Ну? Время идет.

Кира устроилась за его плечом. Я видела её целиком, от уложенных волос до чистых туфель, и именно туфли раздражали сильнее всего. Вчера кофе был на её куртке. Сегодня ничего не осталось. Только мне опять предлагали отвечать за пятна.

— Грязная деревенщина, — вдруг произнесла она вслух, игнорируя ректора. Она говорила достаточно громко, чтобы секретарь за дверью тоже услышала. — Даже кофе нормально пролить не может. Весь ваш провинциальный вкус... жалкое зрелище. Тебе даже врать нечем, Вика. Просто смирись и уходи. Тебя тут никто не ждал.

Мне хотелось ответить ей, что она сама видела стакан в руках Артема. Тогда говорить пришлось бы уже с ректором, её отцом. Я посмотрела на капитана: подбородок поднят, шея напряжена, ждёт. Даже злиться можно было только в пределах, которые он оставил.

Кира ждала ответа. Я кивнула Артему, не ей. Он сразу повернулся к ректору — словно этого хватало, хотя я ещё ничего вслух не обещала. Получилось, что договорились они, а мне оставили только подтвердить.

Он расправил плечи и заговорил с Иваном Сергеевичем. Я смотрела на его затылок, пытаюсь вспомнить, в какой момент успела дать ему право отвечать за меня. С моим именем он обращался куда свободнее, чем я со своим голосом. — Инцидент исчерпан, Иван Сергеевич. Мы решили всё сами.

Иван Сергеевич остановил палец над столом. Пока ругал меня, в каждой фразе уже слышалось решение. Теперь решение произнёс капитан, и ректору пришлось хотя бы переспросить. — Решили?

— Да. Виктория моя девушка, — голос Артема звучал так уверенно, будто он читал расписание занятий. — Кофе был случайностью в состоянии легкого стресса перед тренировкой. Я беру ответственность на себя. Вопрос закрыт.

Теперь они собирались заставить меня целоваться с ним? Я стиснула джинсы на бёдрах, стараясь не дать пальцам дрожать. Артем посмотрел на меня, потом на часы. Никого вокруг не смутило, что моя «романтика» начиналась с этого жеста. Ректор просто ждал подтверждения.

Я вспомнила папины квитанции. Сложены в прозрачную папку, чтобы удобно было брать в больницу. Сказать «нет» здесь означало потом объяснять ему, почему денег больше не будет. Папа сказал бы, что справится. Он всегда так говорил, даже когда не мог дойти до кухни.

— Да, — сказала я и посмотрела на свои пальцы, вцепившиеся в джинсы.

Глава 3

Когда вышли от ректора, я постояла у окна. Из раздевалки никто не выходил: команда уже тренировалась. Артем открыл дверь, оглянулся, дожидаясь меня. Я пошла следом, потому что в кабинете он обещал взять ответственность, а объяснить, что получу я, так и не успел.

Между скамьей и шкафчиками мы едва помещались вдвоём. Стоило отойти от него, я упиралась ногой в чей-нибудь ботинок. Подвинуть ботинок было проще, чем Ковалева; я так и сделала, отвела его в сторону носком.

— Правила, — сказал он, не оборачиваясь. Он начал снимать свою куртку — черную кожаную ветровку, которая стоила больше, чем вся моя жизнь в деревне. — Никаких чувств. Никакой привязанности. Только имидж. Ты улыбаешься мне на публике. Ты держишься за меня. Ты не смотришь другим парням в глаза дольше секунды.

Он бросил куртку, и мне пришлось поймать, чтобы не уронить на грязный пол. Артем кивнул на мои плечи. Надела сама. Подкладка ещё хранила тепло, воротник оказался у самого носа; больше всего хотелось стянуть эту вещь, пока он не успел решить, что мне нравится.

— Мне нужны гарантии, — сказала я, сжимая ткань кулаками. Голос дрожал, но слова были четкими. — Письменно. Что стипендия вернется после первого же месяца. Что ты не будешь использовать меня для своих грязных игр с другими девчонками.

Он достал телефон и повернулся ко мне. Я ждала, что сейчас хотя бы запишет условия, которые только что произнёс. Ухватила за рукав куртки: без бумаги он мог потом заявить, что я всё придумала. Вчера я уже подписала его правила, а свои даже произнести не смогла.

— Гарантии? — переспросил он. Уголок его рта дернулся в презрительной усмешке. — Ты думаешь, я заключал сделки с кем-то вроде тебя раньше?

Он развернул телефон экраном ко мне. Там висело сообщение, отправленное минуту назад: «Вика моя девушка, инцидент исчерпан. Жду вечером у главного входа». Получатель — Ректорат. Отправитель — Капитан команды.

На экране уже висело отправленное сообщение. Пальцем можно было бы нажать «удалить», но отправку это не отменит. Вчера моя подпись осталась у него на столе, сегодня моё имя ушло в ректорат. Я потянула воротник куртки вниз: стало совсем трудно дышать.

— Теперь ты знаешь цену своего согласия, — сказал он.

И в этот момент дверь раздевалки скрипнула.

Дима вошёл с ящиком инструментов. Над дверью по-прежнему заедал замок; он оставлял здесь ключи после ремонта. Я услышала шаги и успела обрадоваться, прежде чем поняла, что он увидит. Меня в чужой куртке. Артема рядом, такого спокойного, что нашей договорённости будто не существовало.

Дима перестал улыбаться. Посмотрел на рукав, который я держала, затем на моё лицо. Я зачем-то выпустила ткань, словно всё дело было именно в этом. Сразу стало ясно: он спросит, и я не смогу сказать правду.

— Вика? — спросил он тихо. Он посмотрел на Артема, потом снова на меня. — Это правда? Вы... вместе?

Перед Димой было хуже всего лгать. У него в мастерской можно было попросить инструмент и не объяснять, почему свой купить не на что. Он уже видел вчерашнее видео. Сейчас смотрел так, будто пытался совместить его с моей новой курткой и никак не мог.

Артем положил мне руку на плечо. Снаружи получилось почти объятие; внутри рукава я сразу сжала кулак. Он держал меня и смотрел, какой ответ дам Диме. Я была уверена: если замнётся хоть чуть-чуть, он ответит за меня.

Лгать ему в глаза было больнее, чем согласиться на сделку. Но Артем стоял рядом. Если я скажу правду сейчас, он услышит каждое слово — и Дима тоже попадёт под удар.

— Да, — соврала я. Слово прозвучало чужеродно, фальшиво. — Всё так.

Дима поставил ящик на пол. Аккуратно, хотя я ждала, что бросит. Посмотрел ещё раз, и я уже потянулась сказать ему что-нибудь вслед. Он вышел раньше. Артем руки с моего плеча не убрал; я так и осталась стоять, вслушиваясь, не вернётся ли Дима за инструментами.

После тренировки коридор забили ребята с сумками. Я узнала несколько лиц, тех, кто смеялся вчера. До лифта можно было дойти по краю, не задевая никого. Ковалев выбрал середину и уже протягивал мне локоть.

— Под руку, — приказал Артем.

Я попятилась, хотя ещё секунду назад сама искала выход. Локоть у него оставался поднятым. Он ждал, что я возьмусь. Спина упёрлась в стену, и я перестала отступать: дальше было некуда, а в коридоре стояли люди.

— Не могу, — прошептала я.

— Можешь, — ответил он и протянул ладонь, не позволяя остаться у стены.

Ковалев взял меня за ладонь. Пальцы у него были горячие, кожа у основания большого пальца жёсткая. Я попыталась оставить свою руку свободной, но он уже переплёл пальцы с моими. Получилось даже красиво, наверное. Только у меня от этого свело плечо.

Мы вышли в коридор.

Кто-то посмотрел и толкнул локтем соседа. На нас обернулись ещё, и ещё. Мне хотелось ускорить шаг, чтобы пройти этот коридор поскорее; Артем, наоборот, шёл медленно. Одной девчонке пришлось прижать сумку к груди, уступая ему дорогу.

«Это та самая?» «Виктория?» «Она спит с ним?»

За спиной обсуждали, сплю ли я с ним. Хотелось повернуться и спросить, какое их дело. Зато парень, вчера смеявшийся у шкафов, убрал ногу с прохода. Я заметила это и вдруг выдохнула. Позорное облегчение, от которого потом будет стыдно. Сейчас я хотя бы дошла до лифта без нового толчка.

Он шёл медленно, не отпуская мою ладонь. Я слышала, как за спиной спрашивают мою фамилию. Приходилось подстраивать шаг под него, иначе он дёргал за руку. До лифта оставалось чуть-чуть; там хотя бы дверями закроемся.

В лифте я посмотрела на зеркало. Куртка была велика, лицо совсем белое. Мы отражались рядом — готовая фотография для их ленты. Я шагнула к кнопкам, но Артем придержал меня за руку. Даже трёх этажей отдельно от него мне не полагалось.

Он потянул меня к себе. Пришлось поставить ладонь ему на грудь, чтобы не ткнуться лицом в воротник. В зеркало теперь было не посмотреть: он оказался прямо перед глазами. Под пальцами я чувствовала, как он дышит, и почему-то никак не могла убрать руку.

Он наклонился, и я повернула голову. Губы задели волосы у виска. Он мог бы спросить, удобно ли мне стоять, но я уже знала, что таких вопросов от него не дожусь. Лифт поднимался слишком медленно; я слушала, как гудит мотор за стеной.

— Если ты сорвешься, — прошептал он, и в этом шепоте была угроза, от которой перехватывало дух, — я сломаю тебя медленнее. Не сразу. По частям.

Мне хотелось оттолкнуть его после угрозы. Одновременно хотелось посмотреть, что будет, если останусь вот так близко. Он замечал каждое движение. Я злилась на него и ещё больше на себя: почему даже сейчас вижу, какой у него рот, вместо того чтобы смотреть на кнопку остановки?

Я подняла глаза. Не позволю ему видеть только испуганную девчонку — хоть что-нибудь ещё увидит. Улыбка получилась кривой, я сама это чувствовала. Пусть решит, что смеюсь над ним. Объяснять ему, почему улыбаюсь после угрозы, всё равно не стану.

Он отвёл взгляд. На секунду, но я успела заметить. Пальцы на моей руке чуть ослабли. Я могла бы сейчас их вытащить; вместо этого осталась стоять, чтобы он не решил, что я бросилась от него при первой возможности.

Лифт наконец остановился. Я повернулась к дверям, всё ещё стоя слишком близко к Артему. За дверьми был обычный коридор: коврик, лампа, чья-то обувь у стены. Никогда не думала, что так обрадуюсь этим чужим ботинкам.

Артем посмотрел в коридор, потом снова на меня. Пальцы оставались сцепленными. Я потянула руку к себе — совсем немного, чтобы это нельзя было назвать сценой. Он позволил, но прежде успел назначить мне ужин.

— Сегодня ужин со мной, — сказал он ровным голосом, хотя его пульс на шее выдавал напряжение. — Не опаздывай.

Я вышла из лифта первой. Куртка все еще была на мне. Тяжелая, пахнущая им.

У своей двери я потянула рукав его куртки, собираясь снять, и замерла. В коридоре ещё стояли люди с телефонами. Пришлось войти в ней.

Глава 4

Ректор Ветров смотрел, пока мы устраивались перед камерами. Улыбаться начинали по команде. Я стояла после тренировки, в грязной форме, и щурилась от света. Девушка с телефоном показала, куда поставить ногу, чтобы в кадр не попали мои кроссовки. Вот о них-то я и думала всё время.

— Улыбнись, Соколова, — бросил Артем. Он говорил возле моего уха, я повернула голову, чтобы не пришлось отвечать ему щекой. — Ректору нужна красивая картинка. «Пара сезона». Чтобы закрыть скандал с кофе.

На щеках смешались пот и косметика. Я попробовала стереть пальцем полосу под глазом, но журналист попросил не трогать лицо. Теперь даже привести себя в порядок нельзя было без разрешения. Повернулась к двери: там толпились люди. Протиснуться мимо них тихо не получится.

Артем достал влажное полотенце и взял меня за подбородок. Я дёрнулась — он уже тёр скулу. Ладонь была горячая, движения грубые, совсем не такие, какими наверняка получились на снимках. Когда отпустил, я потёрла щёку плечом. Он заметил и нахмурился.

— Скажешь правду ректору, что я сам перевернул стакан, — шепнул он мне прямо в губы, не отстраняясь. — И вылетишь без стипендии до конца дня. Скажешь мою версию... и будешь улыбаться.

Журналист поправлял объектив, Артем снова взял меня за подбородок. Попробовала отвернуться — пальцы сжались. Улыбаться требовалось, видимо, именно в эту сторону, где стояла камера. Вопросы, удобно ли мне, он опять не задал.

Кира подошла справа и ткнула меня локтем под рёбра. «Споткнулась». Я вдохнула, собираясь ответить, и увидела направленную на нас камеру. Кира уже улыбалась ей, будто я сама пригласила её встать между нами.

— Ой, прости! — протянула она сладко, глядя в камеру. — Вика такая... неловкая. Деревенская неуклюжесть, знаете ли. Как будто никогда раньше не видела нормальных людей.

За камерой засмеялись. Я знала несколько этих голосов по раздевалке. Кира замолчала и смотрела на меня, оставив ровно столько паузы, чтобы я успела оправдаться. Отвести глаза сейчас было бы проще всего. Но потом она выложит именно это.

Я вспомнила, как он велел улыбаться. Хорошо. Пусть теперь попробует сам выдержать эту улыбку.

Я повернулась к Артему. У него криво стоял воротник, и я взялась его поправлять. Сделала медленнее, чем нужно, провела пальцами по лацкану. Он от этого застыл. Я застегнула пуговицу под горлом и только после посмотрела на Киру. Пусть теперь попробует объявить меня лишней в кадре.

Кира посмотрела на мою ладонь, оставшуюся у его воротника. Улыбка держалась ещё несколько секунд, потом она сжала губы. Артем чуть отвёл подбородок, но руку я не убрала. Кнопка камеры щёлкнула ещё раз. Очень надеюсь, что именно этот кадр у них получится.

Телефон завибрировал, пока журналисты проверяли снимки. Я достала его под прикрытием руки Артема. Уведомления шли одно за другим; пришлось закрыть экран ладонью, чтобы никто не заметил, как я перестала улыбаться.

В чате курса уже был мем с моим лицом. Выбрали секунду, когда я испугалась на тренировке. Поверх налепили «СПОНСОРСКАЯ ИГРУШКА МОРОЗА». Листнула ниже — одинаковые смеющиеся рожицы, новые подписи. Пришлось остановиться, пока не начала искать среди них Димино имя.

«Ну хоть кого-то купили», — писали анонимы. «Думала, мы не заметим, как она липнет к капитану?»

Я хотела убрать телефон. В комнате можно закрыться, не отвечать никому, но здесь люди всё ещё стояли вокруг. На экране появился новый комментарий. Я нажала на боковую кнопку, промахнулась, нажала ещё раз. Пальцы плохо слушались.

Артем выхватил телефон. Я потянулась за ним, но он поднял руку и начал печатать. Ни разрешения, ни вопроса, что случилось. Он, видимо, уже видел, что обо мне пишут. Я могла только стоять на носках рядом с ним и выглядеть ещё глупее.

— Отдай, — прошипела я, пытаюсь забрать гаджет.

Он проигнорировал меня, отправил сообщение и вернул телефон. На экране остался текст, отправленный с моего аккаунта и подписанный его именем: «Кто ещё раз упомянет имя моей девушки без уважения — лишается места в команде под моим патронажем. Навсегда. А.»

После его сообщения чат перестал обновляться. Я подождала, проверила соединение: сеть работала. Ребята всё ещё смотрели в телефоны, только больше никто не смеялся вслух. Он добился этого одним сообщением. Я даже испытала благодарность — и разозлилась на себя, потому что завтра он опять потребует расплатиться улыбкой.

До мастерской дошла с телефоном в руке. Дима обычно оставлял дверь открытой, и я всегда могла сначала заглянуть, не мешаю ли. Сегодня постояла на пороге подольше. Он протирал детали и не поднимал головы; я не знала, делает ли вид, что не услышал меня.

На верстаке у Димы лежало крепление. Я подошла на шаг, чтобы он заметил хотя бы движение. Он протирал одно и то же место. Не знала, ждёт ли, что сама начну объяснять снимки, или просто закончит работу и выставит меня.

— Тебе нужно было так низко пасть ради стипендии? — спросил он ровным голосом, не поднимая глаз.

Я остановилась в паре метров от него. Щека ещё горела там, где Артем стёр грязь полотенцем. Я прикрыла её ладонью.

— Это работа, Дима, — произнесла я, чувствуя, как ком подступает к горлу. — Просто сделка.

Дима посмотрел на щёку, которую я прикрывала ладонью. Пришлось опустить руку. Мне очень хотелось, чтобы он спросил, кто меня поцарапал. Тогда я смогла бы начать с полотенца, потом перейти к договору. Но он уже говорил про то, ради чего я якобы пришла в эту школу.

— Работа не требует прижиматься к дьяволу, чтобы выжить, Вика, — тихо сказал он.

Он отвернулся к станку.

— Ты выбрала сторону, — добавил он.

Я вышла прежде, чем он успел заметить мои слёзы. За спиной щёлкнул замок.

Я осталась стоять в коридоре, слушая собственное учащенное дыхание. В кармане лежал телефон. Мне хотелось написать Диме ещё раз, без Артема за плечом. Но что написать после этого?

В столовой Артем повёл меня к круглому столу в центре. Я там никогда не сидела и с удовольствием выбрала бы место у окна. Здесь даже стулья стояли иначе: пока одного не отодвинули, мне пришлось ждать со своим подносом. Все успели рассмотреть и поднос, и меня.

Стул для меня отодвинули возле Артема. Села, поднос пришлось повернуть боком. Его колено упёрлось в моё под столом; отодвинула ногу, задела ножку чужого стула. Парень с золотой цепью посмотрел сначала вниз, затем на мою тарелку.

— Выглядит... специфично, — хмыкнул парень, кивая на мою еду. Я взяла самый простой набор: гречку, котлету, компот. Никаких суши, никаких модных боулов.

— Деревня, ничего личного, — фыркнула девушка, не отрываясь от телефона.

Мне передали соль так, что локоть ткнул в бок. Девушка справа прикрыла рот ладонью, пряча смешок. Я посмотрела на компот: сейчас хоть его не разолью. Обед ещё даже не начался, а у меня уже не было аппетита.

Нет, — приказала я себе. Не сейчас.

Я вспомнила, как дома решала задачи на крыльце. Папа тогда уже болел и часто звал из кухни — то чай, то телефон подать. В задаче можно было дойти до ответа, поставить точку и знать, что всё правильно. Здесь хотелось хоть на несколько минут сделать что-нибудь столь же понятное.

Я начала считать. Белки: 25 грамм. Жиры: 15. Углеводы: 60. Стоимость обеда: 340 рублей. До конца обеда — десять минут. До конца их выступления — сколько я им позволю.

Я стала есть. Сначала гречку, потом котлету. Считала, сколько ещё осталось, и не торопилась: пусть смеются, я не оставлю им весь обед. Когда рядом снова прыснули, пришлось допить компот маленькими глотками. Зато ложку больше не роняла.

Артем время от времени смотрел в мою сторону. Я поймала взгляд, когда доедала котлету. У него дрогнул уголок рта. Очень хотелось спросить, тоже ли ему смешно. Вместо этого я положила вилку: сделку на обед мы выполнили.

Глава 5

На крышу он вёл молча. Я старалась не отставать, хотя после столовой хотелось только лечь. Наверху ветер ударил в лицо так, что пришлось натянуть шарф до носа. Я остановилась у двери: город можно было прекрасно увидеть и отсюда, незачем идти дальше.

— Зачем ты привел меня сюда? — спросила я, натягивая шарф до носа.

Артем подошёл сзади и прижал меня к себе. Я успела вздрогнуть раньше, чем поняла, чьи руки на плечах. Тепло оказалось приятным — и за это я тут же на себя рассердилась. Не оборачивалась, ждала, что он скажет. Без причины он ко мне не прикасался.

— Ты была хороша сегодня, — прошептал он мне в ухо. Мурашки пронзили тело от его дыхания. — Но если ты думаешь, что я защищаю тебя из доброты, ты ошибаешься. Я защищаю свой имидж. Ты — часть бренда.

Я потянула одно плечо назад, чтобы повернуться к нему. Артем придержал крепче. Сзади было тепло, спереди дул ветер; он, наверное, считал, что такой заботой уже расплатился за утреннее полотенце. Мне хотелось, чтобы хотя бы убрал руки, пока говорит про имидж.

Я попробовала вывернуться. Он не пустил. Всё утро его слушалась, отобедала с его друзьями, даже лицо для камеры дала вытереть. Теперь ещё стой смирно и слушай, какой ты полезный кусок его имиджа. Я упрямо повернула плечо ещё раз.

Я резко развернулась в его объятиях, ударив его плечом в живот. Он отшатнулся, удивленно моргнув.

— Тогда научись отличать марионетку от человека! — выпалила я, глядя ему прямо в глаза. Голос дрожал от ярости, но я не отступила ни на шаг. — Я не твоя вещь, даже если ты платишь за мою жизнь.

Он смотрел на меня, а я ждала, когда он рассердится. Я повторила «не вещь», потому что с первого раза, кажется, не дошло. Говорить громче не стала. На крыше никто не поможет, даже если очень красиво закричать.

Его глаза сузились, и он перестал улыбаться. Он сделал шаг вперед, ловя мое запястье. Его пальцы сжались, больно, жестко.

— Ты забыла, кто здесь хозяин положения, Вика? — голос стал бархатным и смертельно спокойным. Он тянул меня к себе, собираясь применить силу, вернуть контроль любой ценой.

В кармане у него зазвонил телефон. Я вздрогнула вместе с ним. Он ослабил хватку, достал аппарат свободной рукой, а моё запястье не отпустил. Я посмотрела на экран: «ОТЕЦ». Только после этого Артем убрал руку.

Я отодвинулась, пока он смотрел на телефон. Не слишком далеко: у самой лестницы снег натоптали до льда. Он перестал следить за мной, и я впервые смогла опустить плечи.

На экране высветилось имя: «ОТЕЦ».

Лицо Артема побледнело. Даже губы посерели. Он принял вызов, включил громкую связь.

Голос в трубке был жестким, металлическим, лишенным каких-либо эмоций: — Артем. Почему в сети вирусится видео, где ты унижаешь новенькую? Если это не постановка ради хайпа, я отзываю финансирование команды завтра же. Мы теряем репутацию, сын. Разберись.

Щелчок. Связь прервалась.

После звонка он ещё смотрел на экран. Я растёрла запястье. Он не остановил меня, не велел убрать руку для красивого кадра. Теперь ждал сам, словно от телефона мог прийти другой ответ, более удобный.

У запястья проступили красные следы. Я потёрла их большим пальцем, потом остановилась: он тоже смотрел. Отец только что велел ему разобраться, и мне вдруг захотелось показать руку в камеру. Пусть решают, как именно капитан разбирается.

Он убрал аппарат и снова попытался улыбнуться. Я уже видела, как выглядело его лицо во время звонка; улыбка не помогала. Даже захотелось улыбнуться в ответ, только совсем по другой причине. Оказывается, не всем он может отдавать команды.

— Похоже, нам нужно сделать наши отношения... более убедительными, — произнес он тихо. — Для папы. И для всех остальных.

Он сделал шаг навстречу, сокращая дистанцию до минимума. Я чувствовала тепло его тела, запах его кожи. Страх и возбуждение сливались в один коктейль.

Лампа над выходом мигнула и погасла. Я сразу повернулась к двери: в темноте ступенька была не видна. Артем оставался рядом, и я слышала, как он дышит. Лучше бы он всё-таки включил свет, а не начинал очередной разговор о том, что нам нужно сделать.

У подъёмника я мяла перчатки, пока не оторвалась нитка на большом пальце. От фотосессии остались снимки, которые все уже видели, и обещание Артема, что рядом с ним меня не тронут. Сегодня нужно было разобраться с торможением. Я думала попросить его ещё внизу, пока мы не поднялись на склон.

Артем возился с Кириной доской у выхода с трассы. Она стояла рядом в розовом пуховике, хихикала и всё наклонялась к нему, словно проверяла, как близко можно встать. Он тёр кант, даже не поднимая головы. Я постояла, потом всё-таки подошла: двадцать минут, ещё успеем.

Я шагнула к ним, стараясь дышать ровно. — Артем, мне нужен инструктаж по торможению. Тренировка через двадцать минут.

Кира первой меня заметила. Толкнула Артема плечом, чтобы тоже посмотрел. Он продолжил работать. Я поймала себя на том, что жду, когда он закончит эту доску, будто очередь выстроилась только из нас двоих и после Киры обязательно займётся мной.

— Ты глухая или просто глупая? — бросила Кира, не отводя взгляда от отражения в стекле у стойки проката. — Капитан занят. А ты... ты же балласт. Зачем тебе учить технику? Тебе достаточно улыбаться для сторис.

Он не отвечал. Кира тем временем достала телефон. Уйти сейчас означало дать ей идеальное окончание ролика: попросилась и отправилась ни с чем. Я стиснула перчатки. Постою ещё минуту. Не собираюсь стоять весь день, но минуту выдержу.

— Артем! — повысила голос я, игнорируя предупреждающий взгляд Киры, которая уже навела телефон на меня. — Скажешь хоть слово?

Он отложил тряпку на доску. Я уже ждала привычного замечания, что мешаю. Артем поднял глаза, посмотрел на телефон Киры и ответил именно так, чтобы ей не пришлось долго ждать материал. — Уходи, Вика. Пока не стало хуже.

Кира убрала телефон: без моей истерики снимать ей было нечего. Артем снова взялся за доску. Я постояла ещё секунду, надеясь, что он хотя бы покажет мне, как ставить ногу.

Нужно было остановиться на заднем канте. Я знала, как это выглядит, видела сто раз. Арендванные ботинки болтались на ногах, и я затыгивала ремни до боли, пытаясь убрать люфт. Мои старые вещи хотя бы сидели по размеру. Но с ними я на тренировку пока выйти не могла.

— Твои ботинки слишком мягкие, — сказал Артем, проходя мимо. Он даже не остановился. — Ты сломаешь лодыжку через три метра. Это трата времени. Мой и команды.

— Стипендия требует участия, а не присутствия! — крикнула я ему в спину. Голос сорвался, стал тонким, визгливым.

Артем резко обернулся. На склоне повисла тишина. Десятки студентов замерли, ожидая развязки. — Участие? — усмехнулся он. — Посмотри на себя. Ты выглядишь как жертва обстоятельств, а не как спортсменка.

Он оттолкнулся и ушёл к трамплину. Я следила, как он набирает скорость, разворачивается в воздухе, приземляется. Ребята зааплодировали. Артем посмотрел на меня, и я сразу поняла, для кого только что старался. Ну да, у него получилось. Мне от этого тормозить легче не стало.

Мой учебный участок был куда ниже. Здесь не нужно крутиться в воздухе, только удерживать доску и вовремя поставить кант. Я поправила ботинок ещё раз. Все теперь ждали, что сделаю после его прыжка. Вот бы не отвечать им вообще, просто закончить спуск.

Поначалу доска слушалась. Потом пошла быстрее, и я прижала подбородок к воротнику, чтобы ветер не бил в лицо. Справа под доской просел снег. Укатанный участок сменился кашей, край провалился. Я попробовала выровнять ход, но доску уже тянуло в сторону.

— Стой! — заорала я себе самой, пытаясь развернуть доску перпендикулярно склону.

Я упала на копчик. Попыталась затормозить руками, ударились плечом и покатились дальше, не успевая понять, где верх. Остановила сетка. Она была прямо перед глазами; я видела узел на оранжевой верёвке, а потом несколько секунд не могла сфокусироваться даже на нём.

Лёжа у сетки, я видела его ботинки. Поднять голову было трудно; кровь щипала под носом. Он посмотрел на доску, а я всё ждала руку. Секунды шли, поэтому пришлось попросить, хотя все уже видели, что сама подняться не могу.

Глава 6

— Помоги мне встать, — прошептала я. Из носа текла кровь, капая на белый снег красными пятнами. Ладони саднило даже сквозь перчатки.

Артем протянул руку. Ладонь была большой, тёплой. Я схватилась за неё, чувствуя облегчение. Хоть кто-то.

Но когда я попыталась потянуться вверх, он резко отдернул руку.

Я упала обратно в снег, тяжело дыша. Ледяная крошка забилась за воротник куртки. — Не трогай меня грязными руками, — шепнул он так тихо, что это услышала только я. Я всё ещё лежала у его ботинок; ему даже нагнуться не пришлось, чтобы сказать это.

Снег забился в перчатку. Я уткнулась ладонью в склон, попробовала подняться — и снова соскользнула. Он стоял так близко, что можно было схватиться за его штанину. Я убрала руку.

Поднялась, упираясь в склон обеими руками. Колени дрожали, куртка набрала снега за воротник. Вытерла нос рукавом, хотя так грязи стало только больше. Посмотрела на Артема: сейчас бы опять заметил мои руки. Я больше не собиралась просить его их брать.

— Ты закончил показывать своё превосходство? — спросила я, и мой голос был тверже, чем я думала.

Дима подошёл к сетке с другой стороны. Увидел кровь, лицо у него изменилось. Я хотела спрятать рукав, чтобы и он не начал смотреть так пристально, но он уже шагнул между мной и Артемом. Ключи в кармане звякнули, когда остановился.

— Артем, ты совсем очумел? — Дима шагнул между нами. — Она новичок. Ты должен был страховать, а не стоять как истукан!

Ковалев выпрямился. Рядом с ним Дима не выглядел маленьким, но я всё равно знала, у кого здесь право первым позвонить ректору. Он произнёс фамилию Димы, и я приготовилась к тому, что опять придётся слушать угрозы вместо ответа. — Отойди, Соколов. Или ты хочешь, чтобы ректор узнал, почему в твоей мастерской постоянно пропадают детали для моей экипировки? Намекну на связь с саботажем тренировок?

Дима побледнел. Он знал, что Артем может сделать это одним звонком. Дима посмотрел на меня; я отвернулась, чтобы он не видел, как мне стыдно за эту угрозу.

— Ты трус, — выдавил Дима, но не двинулся с места.

— А ты наблюдатель, — парировал Артем. — Разносишь слухи о слабости команды, прячась за юбку провинциалки.

Дима сжал челюсти. Он хотел сказать ещё что-то, но увидел, как я качаю головой. Не надо. Не здесь.

Дима сунул мне ключ, когда я проходила к выходу. Его ладонь прикрыла мою, поэтому снаружи жест выглядел как обычная помощь после падения. Я нащупала выщербленный зубец. Такой ключ висел у него на связке от мастерской. Сжала покрепче, пока не убрала в карман.

Артем посмотрел на мою зажатую ладонь. Я глубже задвинула ладонь с ключом в карман, прежде чем он успел спросить.

На лестнице общежития мокрые подошвы скрипели через шаг. Я взялась за перила: копчик болел сильнее, когда поднималась. Дверь комнаты оказалась приоткрыта. Оттуда смеялись, и я замедлилась, потому что уже разобрала собственное имя.

Громкий смех Киры резанул слух. — ...она специально упала! Видели бы вы её лицо! Это был театр одного актера. Бедняжка хотела внимания Мороза. Решила сыграть на жалости.

Вошла — девушки замолчали. Сразу стало слышно, как одна щёлкает клавишами ноутбука. Другая смотрела в телефон, не двигая пальцем по экрану. Они все слышали меня и могли бы спросить хотя бы про кровь. Никто не спросил. Я постояла у двери, потом закрыла её.

Вода стояла на общем столе. Я бы могла взять сама, но сначала нужно было снять куртку, вымыть рукав. Девушки не подвинулись, чтобы пропустить к раковине. Пришлось протискиваться с краю.

Кира сидела на своей кровати, натирая кремом лицо, и даже не подняла глаз. — Закрой дверь, Вика. Ты пачкаешь пол грязью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.